

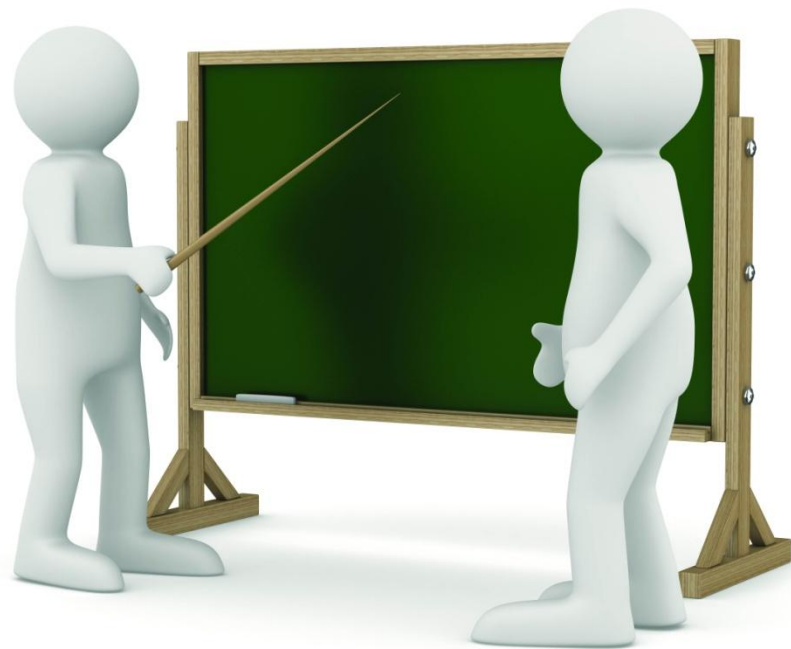
Логические аргументы (логос)

Аристотель выделял два основных способа риторического доказательства, основанного на логосе: силлогизм и наведение. **Силлогизм** – это доказательство, при котором *частное положение доказывается при помощи общих положений. **Наведение** – это такое доказательство, в котором общее положение доказывается при помощи частных положений. Именно на это деление мы и будем опираться в дальнейшем.

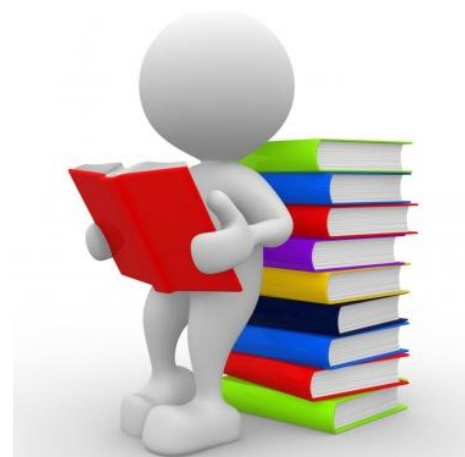

В современных книгах по риторике, теории аргументации и логике это деление обычно отождествляется с противопоставлением индукции и дедукции. Под **индукцией** в этом случае понимают метод доказательства, который основан на переходе от частного (единичных факторов) к общему (общим утверждениям). Индукция в науке не дает точного, достоверного доказательства, поскольку ведет только к вероятным заключениям. И действительно, делая на основании единичных фактов вывод о том, что все лебеди белые, мы можем ошибаться, поскольку любой лебедь другого цвета будет достаточным основанием для того, чтобы опровергнуть наш вывод.

Дедукция – это метод доказательства, основанный на переходе от общего к частному. В качестве общего при дедукции выступают суждения, которые считаются истинными (то есть являются аксиомами) либо были доказаны другими способами (то есть являются теоремами). В отличие от индукции, дедукция способна давать полностью достоверные, истинные суждения (естественно, если она опирается на истинные посылки).

В отождествлении силлогизмов и наведения с дедукцией и индукцией соответственно есть много справедливого. В то же время это отождествление не является совершенно точным. Фактически риторические понятия в этом случае подменяются понятиями логики и методологии научного познания. В чем же заключается сущность этой подмены?

1. Дедукция и индукция связаны с истинным знанием, тогда как риторика оперирует тем, что имеет лишь вероятностный и правдоподобный характер; наука ориентируется на истину, а риторика – на мнение. Поэтому представляется закономерным, что риторике нельзя подчинять законам научного познания, так как между ними имеются не только сходства, но и различия.

Конечно, и в науке имеются риторические аргументы, многое в теориях и концепциях предполагает не точное знание, а веру и убеждения. Особенно очевидно это стало в XX веке, когда были высказаны самые убийственные доводы, направленные против убеждения в абсолютной объективности науки, а события доказали, что ученые не могут занимать отстраненную позицию. Тем не менее, как показали недавние исследования в рамках социологии науки, для функционирования научного сообщества жизненно необходимой является предпосылка о принципиальной познаваемости мира и возможности проверки этого знания. В риторической же коммуникации она не является необходимой, ссылка на науку – это лишь одна из форм «аргумента к авторитету», который является далеко не единственным типом аргументов.

2. Аристотеля по праву считают ученым, который создал и обосновал дедукцию как особый метод познания. При этом справедливо утверждение, что индукция как метод познания, отличающийся от дедукции, была открыта только в Новое время Фрэнсисом Бэконом, и произошло это в рамках полемики с античной традицией, которая до того момента воспринималась как единственно достоверная. Бэкон описал этот метод в своей работе «Новый Органон» (1620). Уже одно это название полемично, поскольку Аристотелю принадлежит труд «Органон», в котором он рассуждает о механизмах познания. Добавляя к этому названию слово «новый», Бэкон подчеркивает то, что он предлагает качественно новое средство познания.

Тот факт, что Аристотель не знал индукции, поскольку как метод познания она была открыта спустя много веков после него, вступает в противоречие с выделением индукции и дедукции как основных способов риторического доказательства. Понятие индукции очень близко к понятию наведения; более того, латинское слово «inductio» представляет собой эквивалент греческого слова, которое на русский язык переводится как «наведение». Однако эти понятия различаются по своему объему: изначально в термин «индукция» вкладывался иной смысл. Учитывать отличия между ними целесообразно и с теоретической, и с практической точки зрения. На этом мы остановимся в следующем пункте.

3. Индукция предполагает обязательное исследование если не всех, то как можно большего числа фактов и частных случаев, только в этом случае ее результаты могут считаться полностью достоверными или достаточно обоснованными. В риторике же такое требование не является обязательным. Существуют случаи, когда достаточно обратиться только к одному факту (например, для того чтобы прояснить общее положение). Этот риторический прием охватывается понятием наведения, но оказывается за пределами понятия индукции. По крайней мере, этот прием может быть определен как крайняя и не дающая достоверного знания форма неполной индукции. Таким образом, с точки зрения риторики индукция – это частный случай наведения.

4. Наведение не всегда опирается на факты, оно может опираться на более частные суждения, которые сами являются обобщением, результатом индукции. Аристотель в «Топике» приводит такой пример наведения: «...если кормчий, хорошо знающий свое дело, - лучший кормчий и точно так же правящий колесницей, хорошо знающий свое дело, - лучший, то и вообще хорошо знающий свое дело в каждой области – лучший». Это яркий пример наведения, однако он не является индукцией. Индукция предполагала бы исследование всех (или большинства) конкретных случаев, в которых имеется определенное соотношение между уровнем знания своего дела и оценкой «качества» специалиста. Аристотель же опирается на суждения, которые сами по себе являются обобщениями, полученными при помощи индукции.

Пусть ваша речь будет безупречной! До встречи!

